

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ГОТОВ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Причерноморский период готской истории в последнее время вновь привлекает к себе внимание ученых. Целью настоящей статьи является попытка еще раз рассмотреть вопрос о времени появления готов в Северном Причерноморье – Нижнем Подунавье, основываясь в первую очередь на данных письменной традиции.

Согласно Иордану, готский король Филимер из-за перенаселенности своей территории решил найти новые места для обитания¹. После некоторых странствий готы, возглавляемые своим королем, пришли в земли Скифии, «которые называются на их языке Ойум» (Get. 27)². В источнике приводится рассказ о том, как половина войска во главе с Филимером переправилась через реку, после чего рухнул мост, и «никому

---

¹ *Iord. Get. 26* (...) consilio sedit, ut exinde cum familiis Gothorum promoueret exercitus. Текст и перевод «Гетика», кроме специально оговоренных случаев, приводится по изданию: *Анфертьев А.Н. Иордан «Гетика» // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1991. С. 98–161.* Некоторые изменения интерпункции и перевода принадлежат публикатору (устные сообщения).

² *Iord. Get. 27*: qui artissimas sedes locaque, dum quereret congrua, peruenit ad Scythiae terras, quae lingua eorum Oium uocabantur (...).

уже в дальнейшем не стало возможности пройти туда или обратно» (Get. 27). Как свидетельствует Иордан, это место (is locus), т.е. Ойум, «окружено пучиной, замкнуто зыбкими болотами», непроходимо (Get. 27); по свидетельству путешественников, «(...) и сейчас там слышится мычанье скота и видны признаки (обитания) людей» (Get. 27). С появлением в рассказе моста, по мнению А.Н. Анфертьева, возможно, начинается другая история. Скорее всего здесь присутствует вставка иного по происхождению фольклорного сюжета, сопоставимого либо с рассказом о происхождении хуннов (Get. 121–125), либо с представлениями о Меотийском болоте. Дальнейший анализ этого пассажа будет более плодотворным в контексте изучения других фольклорных мотивов о труднодоступных местностях и обрушившихся мостах, а не в попытках географической локализации Ойума³. В том же сообщении Иордан использует легендарно-сказочный мотив о людях, чьи голоса доносятся из глубины вод. Мотив этот очень часто повторяется в прозаических и стихотворных повествованиях, где речь идет о различных реках, морях и озерах⁴. Далее Иордан сообщает: «Итак, та часть готов, о которой говорят, что она вместе с Филимером переправилась, перейдя реку, в земли Ойум, овладела желанной страной»⁵.

Вопрос о локализации Ойума уже неоднократно привлекал внимание исследователей. Были попытки отождествлять Ойум и с Подунавьем, и с Поднепровьем, и с Подоньем, и с Прикубаньем⁶, однако ни одно из этих отождествлений по целому ряду соображений не может быть принято окончательно⁷. В слове Oium К. Мюлленхоф видел готское *Auĳōm, обозначающее 'территорию, окруженную водой' ('остров'). Отметим, что форма *Auĳōm представляет собой готский dat. pl., и, таким образом, Oium у Иордана может обозначать 'земли, изобилующие водой'⁸. Пытаясь так или иначе локализовать *Auĳōs, следует помнить, что рассказ, приводимый в «Гетике», в конечном итоге восходит к готской народной традиции и, вероятно, отражает передвижения готов в Северном Причерноморье и разделение готского племени на две ветви⁹. Но, учитывая возможные искажения, которые могли возникнуть при его передаче, некорректно лишь на этом основании делать построения относительно географической локализации готских миграций в северопонтийском регионе.

В «Гетике» сообщается о победоносном сражении готов Филимера со спалами (Spali)¹⁰. Спалы Иордана идентифицировались рядом ученых со спалеями (Spalaci), упомянутыми в «Естественной истории» Плиния (VI. 22) в числе племен, обитавших вдоль берегов Танаиса. Г.В. Вернадский считал возможным отождествить спалов Иордана со спорами (Σποροι) Прокопия Кесарийского (B.G. 3.14.29)¹¹. Некоторые исследователи связывают этноним Spali со ст.-слав. ИСПОЛИНЪ, 'великан'¹².

После битвы со спалами готы «спешат в крайнюю часть Скифии, которая со-

³ Анфертьев. Ук. соч. С. 117. Прим. 25.

⁴ Пидаль Менендес Р. Готы и происхождение испанского эпоса // Менендес Пидаль Рамон. Избранные произведения. Пер. с исп. М., 1961. С. 109.

⁵ Iord. Get. 28: haec ergo pars Gothorum, quae apud Filimerum dicitur in terras Oium emenso amne transposita, optatum portum solum (...).

⁶ См., например: Schmidt L. Geschichte der deutsche Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung // Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie. B., 1904. 7. S. 53 f.; Lewicki T. Zagadnienie Gotów na Krymie // PZ. 1951. 5/6. S. 81 f.; Топоров В.Н. Ойум Иордана (Getica, 27–28) и гото-славянские связи в Северо-Западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан. М., 1984. С. 128–138.

⁷ Анфертьев. Ук. соч. С. 116 сл. Прим. 21.

⁸ Jordanis. Romana et Getica / Rec. Th. Mommsen. B., 1882. P. 163 (MGH. Auct. antiquiss. T. 5. Pars. 1); Schmidt. Op. cit. S. 53 f.; Lewicki. Op. cit. S. 81 f.; Schwarz E. Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956. S. 87; Топоров. Ук. соч. С. 128–130.

⁹ Wolfram H. History of the Goths. Berkeley, 1990. P. 43.

¹⁰ Iord. Get. 28. Относительно различных отождествлений спалов см. комментарий к данному месту А.Н. Анфертьева (Ук. соч. С. 118 сл. Прим. 37).

¹¹ Vernadsky G. The Spali of Jordanes and Spori of Procopius // Byzantion. 1938. 13. P. 263–266.

¹² Анфертьев. Ук. соч. С. 118 сл. Прим. 37.

соединяется с Понтийским морем» (Iord. Get. 28)¹³. Об этом, как мы читаем у Иордана, «вспоминается в их древних песнях, (...) об этом свидетельствует и Аблабий, (...) с этим мнением согласны некоторые из древних (писателей)» (Get. 28–29). Затем историк отмечает: «А почему также Иосепп (имеется в виду Иосиф Флавий. – В.Л.) (...) оставил без внимания то, что мы сказали о началах народа готов, мы не знаем; однако, упоминая это племя, (начиная) с этой местности (tamen ad hoc loco eorum stirpem commemorans), он утверждает, что они называются скифами и по происхождению, и по названию (Scythas eos et natione et uocabulo asserit appellatos)» (Get. 29). Отметим, что tamen ab hoc loco – одно из рукописных чтений, которое А.Н. Анфертьев предлагает принять вместо предложенной фон Гутшмидом и К. Мюлленхофом конъектуры tantu magog¹⁴. Следование рукописному чтению облегчает понимание текста, так как выражение ab hoc loco связано с предыдущим ортатум solum и extrema Scythiae pars – ‘желанной землей’, ‘крайней частью Скифии’, куда спешат готы после победы над спалами (Get. 28).

Продолжая изложение «готской истории», Иордан сообщает, что первое местопребывание готов в стране Скифии было около болота Меотиды, второе – в Мизии, Фракии и Дакии; третье – на Понтийском море, снова в Скифии (Get. 38). Сообщение о трех местах обитания готов в Скифии вводится глаголом legimus («мы прочли»), что указывает на письменную традицию, лежащую в основе данного пассажа Иордана и последующего рассказа о трех местах обитания готов (Get. 39–42, 79). Во время обитания готов у Меотиды их королем был Филимер (Get. 39). Следует заметить, что источник не дает указаний, к какому «королевскому дому» готов принадлежали Филимер, его отец Гадарик и правивший почти за пять поколений до Филимера Бериг. Эти три короля не встречаются ни в генеалогии Балтов, ни в генеалогии Амалов, приводимых в «Гетике» (79–81). С Беригом и Филимером у Иордана связаны те события, которые восходят к готскому эпосу: Бериг вывел готов с острова Скандзы на материк (Get. 25); Филимер возглавил переселение в Скифию (Get. 28), был королем готов во время их пребывания у Меотиды (Get. 39), и с ним же связана легенда о происхождении хуннов (Get. 121–122). Во время второго местопребывания в Мизии, Фракии и Дакии королем готов был Залмоксес (Get. 39). В третьей области – на Понтийском море, снова в Скифии – готы разделились между двумя знатными родами своего племени: визиготы служили Балтам, остроготы – Амалам (Iord. Get. 42). Собственно история готов начинается в «Гетике» с того момента, когда готы жили на третьем месте своего пребывания, в Скифии (Get. 89).

Сюжеты, включенные в рассказ о переселении готов в Скифию – выход готов из Готискандзы, разделение войска у *Aujōb и сражение со спалами, – в конечном итоге восходят к готской устной народной традиции. Их Кассиодор, вероятно, заимствовал у Аблабия¹⁵. Весь последующий рассказ Иордана (Get. 43–88) представляет собой изложение приписываемых готам различных событий из истории скифов, фракийцев, готов и даков¹⁶.

Дело в том, что история готов была известна Кассиодору лишь с того момента, как они появились на нижнедунайских границах Римской империи в середине III в. н.э. Все, что происходило до того, в его изложении представляет собой лишь отрывочные сведения из готских легенд. Кассиодор писал «готскую историю» при дворе готских королей в Италии и ставил своей целью «восстановить древнюю историю

¹³ (...) ad extremam Scythiae partem, que Pontico mari uicina est properant.

¹⁴ Анфертьев. Ук. соч. С. 120 сл. Прим. 51.

¹⁵ Относительно использования Кассиодором произведения Аблабия см. Jordanis Romana et Getica / Rec. Th. Mommsen. В., 1882. P. XXXVII–XXXIX (MGH. Auct. Antiquiss. T. 5. Pars. 1); Hachmann R. Die Goten und Scandinavien. В., 1970. S. 56–59, 106–109; Анфертьев. Ук. соч. С. 100, 118 сл. Впрочем, не исключено, что Кассиодор был знаком с готской устной традицией и из «первых рук». См. Barnish S.J.B. The Genesis and Completion of Cassiodorus' Gothic History // Latomus. 1984. T. 43. Fasc. 2. P. 339.

¹⁶ Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1960. С. 225–248. Прим. 134–293.

готов и придать ей глубину и величие римской»¹⁷. С целью выполнить свою задачу Кассиодор привносил в готскую историю сюжеты, относящиеся к истории других народов. Немалая часть книги посвящена идентификации готов с гетами и скифами. Подобных примеров объединения фактов из жизни одного народа с историей другого, более древнего, в античной историографии можно найти немало¹⁸. Отождествление готов с хорошо известным с древности народом скифов вполне соответствовало целям историка. Вместе с тем идентификация готов со скифами не являлась новшеством Кассиодора¹⁹.

В сообщении Иордана (Кассиодора) область Меотиды является тем местом, которое искусственно связывает историю готов с историей скифов, известной нам из античной историографии. Таким образом, пассаж Иордана о первом местопребывании готов у Меотиды оказывается своего рода связующим звеном между сюжетами, восходящими к устной традиции готов, и идентификацией готов со скифами у Кассиодора.

Перейдем к другой группе свидетельств, к которой относится известие о готах Стефана Византийского: «Готы. Племя, в древности они поселились в (области. – В.Л.) Меотиды, после переселились во внешнюю Фракию (...)»²⁰. Источником Стефана Византийского стали произведения Парфения Фокейского – историка, предположительно жившего в IV в. н.э.²¹

Некоторые исследователи, и в частности В.П. Буданова, пытаются увязать это сообщение с уже рассмотренным свидетельством Иордана о пребывании готов у Меотиды, т.е. в Северном Приазовье. Переселение германских племен во Фракию, о котором пишет Стефан Византийский, соотносится ею с событиями 370-х годов н.э., когда теснимые гуннами готы попросили у Валента убежища в римских землях²².

Выше уже отмечалось, что локализация готов у Меотиды в «Гетике» Иордана не имеет никакого отношения к реальной готской истории. Говоря о переселении готов во Фракию, Стефан Византийский, по-видимому, имел в виду лишь конкретные события 370-х годов, а не сюжеты ранней готской истории. Относительно местопребывания готов он упоминает, что варвары «поселились в (области) Меотиды» (ἐν τῷ τῆς Μαώτιδος). По какой же причине в тексте источника готы вновь увязаны с Меотидой? Ответ на этот вопрос достаточно очевиден. Скорее всего эта взаимосвязь обусловлена

¹⁷ Анфертьев. Ук. соч. С. 120. Прим. 46, 47.

¹⁸ Bickerman E.J. *Origines gentium* // *Classical Philology*. 1952. 47. P. 68–82.

¹⁹ См., например: *Dexipp. Chron.* fr. 22: Σκύθαι περαιωθέντες (οἱ λεγόμενοι Γότθοι. – В.Л.) τὸν Ἰστρου ποταῶν ἐπὶ Δεκίῳ πλείστοι τὴν Ῥωμαίων ἐπικράτειαν κατενόησαν («скифы, (называемые готами. – В.Л.), перейдя в большом числе реку Истр, при Деции опустошили владение римлян»; перевод мой. – В.Л.). Это сообщение Дексиппа передает Георгий Синкелл, сама конструкция фразы заставляет нас предполагать, что οἱ λεγόμενοι Γότθοι является вставкой, принадлежащей либо переписчикам Георгия Синкелла, либо ему самому. Аналогичная фраза (οἱ Σκύθαι καὶ Γότθοι λεγόμενοι) содержится в другом месте Георгия Синкелла (*Chron.* P. 467 /sec. ed. A. Mosshamer), правда, без ссылки на Дексиппа; *Philostorg. Hist. Eccl.* II, 5: (...) ἐκ τῶν περὶ Ἰστρου Σκυθῶν, οὓς οἱ μὲν παλαι Γέτας, οἱ δὲ νῦν Γότθους καλοῦσι («(...) из скифов за Истром, которых некогда (называли) гетами, а теперь называют готами (...); перевод мой. – В.Л.); *Proc. Caes.* V. G. 4. 5. 6: οἱ (Γοτθικὰ γένη) δὴ καὶ Σκύθαι ἐν τοῖς ἄνω χρόνοις ἐπεκαλοῦντο, ἐπεὶ πάντα τὰ ἔθνη, ἅπερ τὰ ἐκεῖνη χωρία εἶχον, Σκυθικὰ μὲν ἐπὶ κοιῆς ὀνομάζεται, ἔθνη δὲ αὐτῶν Σαυρομάται ἢ Μεγάλληται, ἢ ἄλλο τι ἐπεκαλοῦντο («Они же (Готские племена) и скифами в прежние времена назывались, так как все племена, которые занимали те местности, вообще называли скифскими народами; а некоторые из них назывались савроматами, меланхленами или как-нибудь по-другому»; перевод мой. – В.Л.).

²⁰ Steph. Byz. S.v. Γότθοι. ἔθνος* παλαι οἰκῆσαν ἐν τῷ Μαώτιδος. ὕστερον δὲ εἰς τὴν ἐκτὸς Θράκης μετανέστησαν (...).

²¹ Seel O. *Parthenios* // *RE*. 1949. 18. Sp. 1900–1901; Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. A.D. 260–395. V. 1. Camb., 1971. P. 668. Впрочем, известен Парфений лишь по нескольким ссылкам на него у Стефана Византийского.

²² Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 75.

представлением о готах как о скифском народе, сформировавшемся еще в античной традиции.

Здесь мы имеем дело с традиционными представлениями об этногеографической картине Северного Причерноморья, сложившимися еще в VII–V вв. до н.э. и оказывавшими влияние на всю последующую историографию античного и византийского периодов.

Напомню, что локализация скифов у Меотиды впервые встречается у Эсхила²³, который сознательно игнорировал известную уже в его времена этногеографическую картину Скифии, положенную в основу описания Геродота²⁴. Несмотря на то что поэт был хорошо знаком с ионийской географической и этнографической литературой²⁵, в данном случае, как и в некоторых других своих географических экскурсах, Эсхил ввел элемент нереальности.

Помещение скифов у Меотиды можно найти и в «Описании населенной земли» Дионисия²⁶. Начиная описание Понта, Дионисий указывает на мифические предания, легшие в его основу (Orb. Descr. Vv. 138 sq.). Землеописание Дионисия пользовалось большой известностью как в римскую, так и в византийскую эпохи. На это указывают латинские переложения землеописания Дионисия²⁷ и его греческие парафразы (комментарий к Дионисию Евстафия относится к XII в.)²⁸. Важно помнить, что, несмотря на изменения реальной этногеографической ситуации в Северном Причерноморье, школа тем не менее жила старыми географическими схемами и та картина, которую дал Дионисий, оказала влияние на последующую традицию. Таким образом, представление о скифах, живущих у Меотиды, со временем стало топосом.

Вернемся к Стефану Византийскому. Скорее всего, он имел в виду лишь готов, поселившихся во Фракии, традиционно полагаая, что туда как скифский народ они пришли из области Меотиды.

Дошедшая до нас письменная традиция главное внимание уделяет военно-политической истории готов и их взаимоотношениям с Римской империей. Наиболее крупным военным столкновением между коалицией варварских племен Северного Причерноморья и Римом стала война при императоре Клавдии II (268–270 гг. н.э.). Об участниках похода источники предоставляют богатый материал. Подробные списки племен даны у Зосима (Zos. I. 42: Πέυκαι, Γότθοι, Έποῦλοι) и у биографа Клавдия II (SHA. Claud. 6. 2.). Особый интерес для нас представляет сообщение в биографии Аврелиана, где участники похода названы меотидами²⁹.

Известия письменных источников о готских морских походах 250–270-х годов н.э. в конечном итоге восходят к недошедшим до нас произведениям Дексиппа «Скифская история» и «Хроника»³⁰. В биографиях императоров Аврелиана и Тацита участники

²³ Aesch. Prom. 417–419. καὶ Σκύθης ἱμίλος, οἱ γὰς ἰῆσχατον τόπον ἀμφὶ Μαϊώτιν ἔχουσιν λίμναι; («и многолюдные племена скифов, обитающих вокруг Меотийского озера»); перевод В.В. Латышева).

²⁴ Herod. IV. 99, 100: ἀπὸ Ἰστρου αὐτῆ ἤδη ἡ ἀρχαία Σκυθία ἐστὶ (...) Σκύθαι (...) νέμονται, τοῦ τε Βοσπόρου τοῦ Κιμμερίου τὰ πρὸς ἐσπέρης καὶ τῆς λίμνης τῆς Μαϊώτιδος μέχρι Ταναΐδος ποταμοῦ, ὃς ἐκδίδαι ἐς μυχὸν τῆς λίμνης ταύτης («От Истра идет уже древняя Скифия; (...) живут скифы к западу от Боспора Киммерийского и от Меотийского озера до реки Танаис, которая впадает в наиболее отдаленный угол этого озера»; перевод по изд: *Доватур А.И., Калустов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 139–141).

²⁵ *Тохтасьев С.Р.* «Киммерийская топонимия». I // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*. М., 1984. С. 143 (литературу по этому вопросу см. там же).

²⁶ Dionys. Orb. Descr. Vv. 163–165; Τοῦ καὶ πρὸς βορρῆν Μαϊώτιδος ὕδατα λίμνης ἰ ἐκκέχυται. Τῇ μὲν τε πέρι Σκύθαι ἀμφινέμονται. Ἰάνδρες ἀπειρέσιοι, (...) («К северу от него (Понта) разлиты воды болота Меотиды, вокруг которого обитают скифы, бесчисленный народ (...); перевод мой. – В.Л.).

²⁷ См., например, то же место у Авиена (Vv. 243–246).

²⁸ *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Пг., 1925. С. 81.

²⁹ SHA. Aurel. 16,4: illud tamen constat omne contra Meotidas bellum diuum Claudium nulli magis quam Aureliano credidisse.

³⁰ См., например: *Graebner F.* Eine Zosimosquelle // *Byzantinische Zeitschrift*. 1905. 14. S. 87–159; *Demerau P.* Kaiser Claudius II. Gothicus // *Klio*. 1934. 33. 20. S. 1–24; *Salamon M.* The Chronology of the Gothic incursions into

походов 268–270 гг. н.э. и 275 г. н.э. названы меотидами³¹. Сама форма этнонима, приводимая в SHA, указывает на то, что информация для этого пассажа была почерпнута из греческого источника, так как в биографии Аврелиана на это имеется прямое указание. В жизнеописании последнего под меотидами подразумеваются все участники похода, список которых дан в биографии Клавдия (VI. 2). А.Н. Анфертьев реконструирует список, приводимый Э. Холем, таким образом: *Peuci, Grautungi-Austrogothi, Teruingi-V(e/i)si, Gypedes, Celtae etiam et Eru- 32*. Свидетель начавшихся готских вторжений в Римскую империю Дексипп, вероятно, первым назвал готов скифами, пользуясь сложившейся к его времени этногеографической номенклатурой. По мнению А.Н. Анфертьева, подобная топонимная модель этника – меотиды – вполне обычна и есть топоним, который, вероятно, восходит к Эсхилу³³.

Сказанное выше позволяет прийти к следующим выводам. Известия письменных источников о миграциях готов в Причерноморье основаны на готских легендах, которые дошли до нас как минимум через вторые руки (Кассиодор, Иордан), а также на традиционных представлениях об этногеографии Скифии, сложившихся в классический период и бытовавших вплоть до византийского времени. Поэтому историко-географические построения, основанные на рассмотренных выше известиях Иордана и Стефана Византийского, вряд ли могут быть корректными. Можно с уверенностью утверждать лишь, что по крайней мере в первой половине II в. н.э. готы жили в низовьях Вислы, а в III в. н.э. появились на нижнедунайских рубежах Римской империи.

Согласно свидетельствам Плиния Старшего (IV. 100), Тацита (Germ. 44.1) и Клавдия Птолемея (3.5.7–8), в I–II вв. н.э. готы (готоны) жили на северо-востоке древней Германии. Картину миграции готов и союзных с ними племен из Центральной Европы в Причерноморье можно попытаться реконструировать по археологическим данным.

Область, которую занимали готоны, по мнению ряда исследователей, находится в польском Поморье. На этой территории в первой половине I в. н.э. локализуются памятники оксывской культуры. Последняя достаточно тесно была связана с пшеворской культурой, которая находится на территории, занимавшейся племенами лугиев. С 50-х годов н.э. в польском Поморье происходят определенные изменения: начинает формироваться новая, отличная от пшеворской, археологическая культура, получившая название вельбарской. Для нее характерны такие признаки, как биритуализм (погребения с труположением и трупосожжением), отсутствие оружия в могильниках, захоронения под каменными курганами и в выложенных камнями концентрических кругах. Формирование вельбарской культуры связано с появлением в польском Поморье выходцев из Скандинавии (Западной Швеции)³⁴.

Становление и дальнейшее развитие вельбарской культуры впервые наиболее полно описал Р. Водонгевич³⁵. Основные выводы польского исследователя прини-

Asia Minor in the IIIrd Century A.D. // *Eos*. 1971. T. 59. Fasc. 1. P. 109–117; *Alföldi A.* The Invasions of the Peoples from the Rhine to the Black Sea // *CAH*. V. 12. Camb., 1939. P. 721–723; *Burc D.F.* Reconsideration of Dexippus Chronica // *Latomus*. 1984. 43. 3. P. 596 f.; *Blockley R.C.* Dexippus of Athens and Eunapius of Sardis // *Latomus*. 1971. 30. 3. 1971. P. 710–715.

³¹ Meotidae – SHA. Aurel. 16. 4: Meotidae – SHA. Tac. 13. 2–3.

³² Анфертьев А.Н. Меотийские народы: текстологический комментарий к статье В.В. Лаврова // Петербургский археологический вестник. 1996. № 10.

³³ Там же.

³⁴ *Malinowski T.* Wprowadzenie do problematyki kultury wielbarskiej // *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk, 1981. S. 9–25; *Kazanski M.* Les Goths (Ier–VIIe après J.-C.). P., 1991. P. 20–25; *Kokowski A.* Schätze der Ostgoten // *Schätze der Ostgoten: Eine Ausstellung der Maria Curie-Skłodowska Univ. Lublin und des Landesmuseums Zamość*. Stuttgart, 1995. S. 26–30.

³⁵ *Wolańgiewicz R.* Kultura wielbarska – problemy interpretacji etnicznej // *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk, 1981. S. 79–106; *idem.* Die Goten im Wielbark-Kultur // *Archeologia Baltica* T. VII. Peregrinatio Gothica. Łódź, 1986. S. 63–98.

маются учеными и сегодня³⁶. Памятники вельбарской культуры были разделены им на две территориально-хронологические фазы – любовидзскую (середина I в. н.э. – конец II в. н.э.) и цецельскую (конец II–IV вв. н.э.). Р. Волонгевич выделил семь регионов, где памятники вельбарской культуры существовали одновременно и имели при этом различную местную подоснову. Так, на первой фазе на Дравском поозерье, Словинском побережье отмечается трансформация оксывской культуры в вельбарскую. В Кашубско-Крайненском поозерье могильники типа Одры-Венсёры формируются самостоятельно. Здесь найдены каменные круги со стенами, аналогичные скандинавским. На цецельской стадии (с конца II – начала III в.н.э.) вельбарские памятники в Кашубско-Крайненском поозерье, Словинском побережье и Дравском поозерье прекращают существование. Памятники вельбарской культуры тогда появляются в Мазовии и Подлясье, где забрасывается часть пшеворских могильников, а оставшиеся трансформируются в вельбарские. Последующее передвижение носителей вельбарской культуры на юго-восток и в последней четверти II – первой половине III в. н.э. и их участие в формировании черняховской культуры связываются рядом ученых с готскими переселениями в Северное Причерноморье³⁷. Наряду с носителями вельбарской культуры в некоторых регионах ее распространения продолжает жить прежнее население – носители оксывской культуры, хотя во многих случаях, как показали раскопки, памятники оксывской культуры были покинуты ее обитателями³⁸.

Подобная картина, на первый взгляд, достаточно хорошо согласуется с легендой, приводимой в «Гетике», о выходе готов из Скандзы и дальнейшем движении их в Скифию. Однако критика достоверности предания, сообщаемого Иорданом, достаточно убедительно была проведена в ряде исследований еще в прошлом веке³⁹.

Так, Ф.А. Браун отмечал, что выселение из Скандинавии многих германских народов было общим явлением средневековой историографии⁴⁰. Он подчеркивал, что следует различать названия «Скандинавия» (*Scandinauia*) – это означает собственно Скандинавский полуостров – и «Скандия» (*Скандза*) – последнее обозначало не Скандинавский полуостров, а Датские острова⁴¹. Таким образом, Скандинавский полуостров, по Ф.А. Брауну, устранился из готского предания, связывавшего материковых готов с островом Готланд⁴². Легенда о выходе готов с Готланда представляет собой «исторический факт наизнанку» и относится ко времени прямых связей материка с Готландом, когда еще сохранялось воспоминание, что готы – не исконные жители низовьев Вислы⁴³. К тому же, если готы выселились из Скандинавии, следовало бы отнести предположение об их общей прародине и к ругам, и к бургундам, и к вандалам⁴⁴.

Гипотеза о прародине готов в Скандинавии вызвала критику со стороны шведских историков. К. Вейбуль и ряд других исследователей указывали, что позднейший рассказ о выселении из Скандзы имеет весьма сомнительную ценность. Однако если историки относятся к нему весьма скептически, то многие археологи, напротив, принимают рассказ Иордана на веру и поныне ставят его во главу угла своих реконструкций из области древнейшей истории Швеции⁴⁵.

³⁶ Kazanski. Op. cit. P. 20–25; Шукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 245–249; Kokowski. Op. cit. S. 26–30.

³⁷ Шукин. Ук. соч. С. 245–249.

³⁸ Там же. С. 246.

³⁹ Zeuss K. Deutschen und Nachbarstämme. München, 1837. S. 402; Schönfeld M. Goti // RE. 1918. Suppl. 3. Sp. 799; Bradley H. The Goths from the Earliest Times to the End of the Gothic Dominion in Spain. L., 1888. P. 7f.

⁴⁰ Браун Ф.А. Разыскания в области гото-славянских отношений. Ч. I. СПб., 1899. С. 308–327.

⁴¹ Браун. Ук. соч. С. 324 сл. К тому же выводу приходит шведский исследователь Й. Свеннунг (*Svenning J. Scandinavia und Scandia. Uppsala, 1963. S. 23–25, 33*).

⁴² Браун Ук. соч. С. 325.

⁴³ Там же. С. 326.

⁴⁴ Там же. С. 275.

⁴⁵ Weibull C. Die Auswanderung der Goten aus Schweden. Göteborg, 1958. S. 28.

Критика достоверности предания о выходе готов из Скандинавии убедительно проведена в книге Р. Хахманна «Готы и Скандинавия». Опираясь на данные греко-римской нарративной традиции, лингвистики и археологии, он убедительно продемонстрировал, что положительное решение вопроса о скандинавском происхождении готов, основанное на приведенной Иорданом легенде, не имеет ни исторических, ни лингвистических, ни археологических оснований⁴⁶. В главе, посвященной анализу письменных источников, автор показал, что передаваемая Иорданом легенда о переселении готов на материк, имеющая параллели в раннесредневековой историографии, является фольклорным сюжетом и восходит к позднеантичному представлению об обильном племенами севере. К мнению Р. Хахманна присоединился и автор недавно вышедшей монографии по истории готов П. Хитер⁴⁷.

Определенный элемент достоверности в предании, сообщаемом Иорданом, пытался найти Е. Колендо. Он полагал, что «исторические песни», на которых основывались Аблабий и Иордан, повествовали лишь о готах из рода Амалов, которые действительно пришли из Скандинавии и влились в состав гутонов⁴⁸. К его мнению присоединяются Х. Вольфрам⁴⁹ и М.Б. Шукин⁵⁰.

Мы не будем рассматривать вопрос о сопоставимости данных археологии и письменной традиции, двух совершенно различных по своей природе источников. Отметим лишь, что хотя археологические материалы и дают повод говорить о присутствии в готской среде скандинавского элемента, последний все равно развивался в местной среде. Подтверждением этому может служить и то, что памятники оксывской культуры на определенном этапе продолжают сосуществовать с вельбарской археологической культурой. Итак, процессы, происходившие в польском Поморье, отражались в частичном поглощении вельбарской культурой своих предшественников.

Вернемся к военно-политической истории готов. В 160-е годы н.э. обострилась военная обстановка на германских границах Римской империи. В 167 г., после того как Марк Аврелий завершил войну с Парфией, началось вторжение в римские земли маркоманнов и вихтуалов⁵¹. На следующий, 168 г. римлянами была одержана победа, но еще год спустя варвары вновь вторглись в империю. Война на этот раз длилась уже до 175 г. н.э.

Относительно похода 167 г. в биографии Марка Аврелия сообщается, что маркоманнов, вихтуалов и другие народы подтолкнули к нему «верхние варвары» (*superiores barbari*)⁵², т.е. племена, жившие севернее участников вторжения. Этот пассаж свидетельствует о начавшейся в это время определенной активности варваров, обитавших вдали от империи. В период маркоманнских войн их участники вандалы впервые начали активные военные столкновения с Римом. С конца II в. вандалы достаточно часто фигурируют в надписях из Паннонии, что свидетельствует об их контактах с империей и после маркоманнских войн⁵³. Найденная в Сирии эпитафия legionера, носившего восточногерманское имя Гутта, сына Эрминария (Γούθθα υἱοῦ Ἐρμιναρίου)⁵⁴, может являться одним из свидетельств достаточно интенсивных контактов Рима с восточногерманскими племенами.

⁴⁶ *Hachmann R. Die Goten und Skandinavien: Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der germanischen Völker. B., 1970. S. 109–135.*

⁴⁷ *Heater P.J. Goths and Romans 332–489. Oxf., 1992. P. 66f.*

⁴⁸ *Kolendo J. Źródła pisane w badaniach nad strefami kulturowymi i etnicznymi Europy środkowej w okresie rzymskim // Problemy kultury Wielbarskiej. Słupsk, 1981. S. 73–75.*

⁴⁹ *Wolfram. Op. cit. P. 39f.*

⁵⁰ *Шукин. Ук. соч. С. 248.*

⁵¹ *SHA. M.A. Phil. 14.3.*

⁵² *SHA M.A. Phil. 14.1: profecti tamen sunt paludati ambo imperatores et Victualis et Marcomannis cuncta turbantibus. aliis etiam gentibus. quae pulsae a superioribus barbaris fuerant, nisi reciperentur, bellum inferentibus.*

⁵³ *Mörsy A. Pannonia and upper Moesia. L., 1974. P. 187–201.*

⁵⁴ *Fieheger O., Schmidt L. Inschriftensammlung zur Geschichte der Ostgermanen // Denkschrift Akad. Wiss. Wien. Philos.-hist. Kl. 1939. Bd 70. Abh. 3. № 20: Μνημεῖον Γούθθα υἱοῦ Ἐρμιναρίου πραιποσίτου ἰγεντιλῶν ἐν Μοβαοῖς ἀναφερομένων ἀπογε(ομέν)ου ἐτῶν ἔτε· ρβ' περὶ τοῦ κα' (= 21 февраля 208 г. н.э.).*

В этой связи необходимо вновь обратиться к археологическим материалам, происходящим из восточной части древней Германии. На территории, занимаемой вандалами (лугиями), находятся памятники пшеворской культуры. В последней четверти II в. н.э. начинается распространение памятников вельбарской культуры на территорию Мазовии и Подлясья, где ранее локализовались памятники пшеворской культуры. Как отмечает К. Годловский, часть могильников пшеворской культуры продолжает существовать, но в ее погребальном обряде появляются новые элементы, свойственные вельбарской культуре⁵⁵. Наряду с этим фиксируется рост плотности населения в южных районах пшеворской культуры⁵⁶, а также проникновение ее памятников в верхнее Поднестриевье. Здесь пшеворские элементы сыграли определенную, хотя и незначительную роль в формировании черняховской культуры⁵⁷. В большей степени экспансия пшеворской культуры была направлена к югу от Карпат, в верхний бассейн Тиссы, где отмечается большое количество ее поселений и могильников⁵⁸.

В конце II – начале III в. н.э. на памятниках вельбарской культуры наблюдаются существенные изменения: памятники, образовавшиеся в середине I в. н.э., прекращают свое существование, зато появляются новые, но уже в более восточных регионах – Мазовии, Западной Белоруссии, Правобережной Украине и Молдавии. Таким образом, отчетливо прослеживается миграция вельбарского населения на юго-восток⁵⁹.

Анализ хронологии вельбарских памятников в Белоруссии, на Правобережной Украине и в Молдавии позволяет выделить две волны проникновения населения в эти регионы с северо-запада. Первая волна – брест-тришинская (могильники Брест-Тришин, Пересыпки, Величковичи, Любомоль, Городок); образование этих памятников приходится приблизительно на 200 г. н.э., они просуществовали вплоть до конца III в. н.э. Памятники располагаются сравнительно узкой полосой вдоль Буга. Вторая волна – дытыничская (могильники Дытыниччи, Ромош, Козья Яссы и др.); время жизни этих памятников относится приблизительно к 220–330-м годам н.э., когда ареал их значительно расширился: вельбарские памятники обнаруживаются вплоть до Поднепровья, охватывают Южное Побужье и появляются в Молдове. На этой же стадии возникают самые ранние памятники черняховской культуры⁶⁰. Археологические материалы, связанные с переселением вельбарских племен, встречаются на самых ранних черняховских могильниках⁶¹, М.Б. Шукин выделяет вельбарско-черняховские памятники, на которых наблюдается сочетание элементов обеих культур.

Археологические материалы свидетельствуют о начавшемся с конца II в. н.э. переселении племен-носителей вельбарской культуры на юго-восток. По мнению М.Б. Шукина, распространение вельбарских памятников в этом направлении не говорит о единовременном переселении больших групп населения. Скорее, мы можем констатировать постепенное перемещение небольших групп.

В результате миграции готов, как следует из письменной традиции, в середине – второй половине III в. н.э. на нижнедунайских границах Римской империи полностью изменилась этнополитическая ситуация. Относительно определения ранней даты

⁵⁵ *Godłowski K.* «Superiores barbari» und die Marcomannenkriege im Lichte archäologischer Quellen // *Slovenska Archeologia*. 1984. 32.2. S. 329–331.

⁵⁶ *Ibid.* S. 331 f.

⁵⁷ *Ibid.* S. 332; *Gej O.A.* Происхождение и этнический состав черняховской культуры // *Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половины I тысячелетия н.э.* М., 1993. С. 163.

⁵⁸ *Godłowski.* *Op. cit.* S. 332–334; *Котигорошко В.Г.* Культуры римского времени // *Древняя история Верхнего Потисья*. Львов, 1991. С. 167, 175.

⁵⁹ *Oculicz J.* Les aspects démographiques des migrations de la population de la civilisation de Wielbark en Mazurie, en Mazovie et en Podlasie // *Archeologia Baltica*. Łódź, 1989. T. 8: 'Peregrinatio Gothica'. P. 140 f.; 155 f.

⁶⁰ *Кухаренко Ю.В.* Могильник Брест-Тришин. М., 1980. С. 64–76; *Шукин.* Ук. соч. С. 247.

⁶¹ *Кухаренко.* Ук. соч. С. 64–76; *Szczukin M.* Zabutki wielskie a kultura czerniachowska // *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk, 1981. S. 140–144.

появления готских племен у римских границ существуют две точки зрения. Согласно первой, авангард готов появился на нижнедунайских рубежах империи уже в конце II – начале III в. н.э.⁶², согласно второй, их появление здесь относится к середине – второй половине 230-х годов н.э.⁶³

Сторонники ранней даты основывают свои выводы на следующих письменных источниках. В биографии Антонина Каракаллы, правившего в 211–217 гг. н.э., в сообщении о различных нечестивых делах императора (женитьба на мачехе, убийство брата) говорится, что Гельвий Пертинакс, сын императора Пертинакса, после того как Каракалла присвоил себе титулы Германский, Парфянский, Арабский и Алеманский, сказал в шутку: «"Добавь, если угодно, Величайший Гетский", поскольку он убил брата Гету и гетами называются готы, которых он, до того как переправился на Восток, побеждал в случайных стычках» (перевод мой. – В.Л.).⁶⁴

Из биографии Максимиана следует, что отец императора был готом, а мать – аланкой⁶⁵. Об этом же, со ссылкой на историка Симмаха, сообщается в «Гетике» Иордана⁶⁶. На варварское происхождение Максимиана указывает и Геродиан⁶⁷. Вероятно, информация Симмаха и автора биографии Максимиана в конечном итоге восходит к Геродиану, возможно, через какой-то общий латинский источник. По крайней мере имена Микка (Micca) и Абаба (Ababa/Hababa) могут быть произведены от $\mu\kappa\sigma\upsilon\alpha\rho\beta\alpha\rho\omega\nu$ Геродиана⁶⁸. В период правления Макрина (217–218 гг. н.э.) Максимиан, уйдя с воинской службы, поселился в своем имении во Фракии, где поддерживал отношения с живущими у римских границ варварами⁶⁹.

Рассмотрим, насколько достоверны эти свидетельства. Биография Максимиана относится ко времени, когда готы были уже хорошо известны римлянам. Игра этнонимов готы–геты достаточно отчетливо видна как в биографии Максимиана, так и в биографии Антонина Каракаллы. По этой причине именно эти источники не рас-

⁶² Schmidt. Op. cit. S. 59 f. *Daicovicium* C. Einige Probleme der Provinz Dazien während des 3. Jahrhunderts // Studii Clasice. Bucuresti, 1965. T. 7. S. 237.

⁶³ Wolfram. Op. cit. P. 44.

⁶⁴ SHA. Ant. Car. 10.6: 'adde, si placet, etiam Geticus Maximus', quod Getam occiderat fratrem et Gothi Getae dicerentur, quos ille, dum ad orientem transit, tumultuariis proelis deuicerat. Ср. параллельное место в биографии Антонина Геты (SHA. Ant. Geta. 6.6). Гельвий Пертинакс сказал Антонину Каракалле: (...) 'adde et Geticus maximus', quasi Gothicus («"добавь и величайший гетский" как бы готский»; перевод мой. – В.Л.).

⁶⁵ SHA. Maxim. 1.5–6: (Maximinus) de uico Thraiciae uicino barbaris, barbaro etiam patre et matre genitus, quorum alter e Gothia, alter ex Alanis genitus esse perhibetur, et patri quidem nomen Micca, matri Habana fuisse dicitur. ((Максимиан) происходил из деревни во Фракии, пограничной с варварами; к тому же от варварского отца и матери, из которых, передают, что первый происходил из Готии, а вторая – из алан. И говорят, что, по крайней мере, имя отца было Микка, матери – Абаба; перевод мой. – В.Л.).

⁶⁶ Iord. Get. 83: Nam, ut dicit Symmachus in quinto suae historiae libro, Maximinus, inquires, Caesar mortuo Alexandro ab exercitu effectus est imp., ex infimis parentibus in Thracia natus, a patre Gotho nomine Micca, matre Halana, quae Ababa dicebatur (Ибо, как сказал Симмах в пятой книге своей истории, говоря, что Максимиан был провозглашен войском императором Цезарем после смерти Александра, рожденный от незнатных родителей – от отца гота по имени Микка, матери аланки, которая звалась Абабой; перевод мой. – В.Л.).

⁶⁷ Herodian. VI. 8. 1: ἴη δέ τις ἐν τῷ στρατῷ Μαξιμίνους διοῦσα, τὸ μὲν γένος τῶν ἐνδοτάτων Θρακῶν καὶ $\mu\kappa\sigma\upsilon\alpha\rho\beta\alpha\rho\omega\nu$, ἀπὸ τινος κώμης, ὡς ἐλέγετο, πρότερον μὲν ἐν παιδὶ ποικιλιῶν (После известия о недовольстве римских воинов миром, который заключил Александр Север с германцами, сообщается: «А был в войске некто по имени Максимиан, родом ближе всего из фракийцев и из смешанных варваров, из некоей деревни, как говорят, в детстве (был) из пастухов (...)» (перевод мой. – В.Л.); впоследствии Максимиан был зачислен в армию, где дослужился до командующего войсками в провинции).

⁶⁸ SHA / Ed. E. Hohl. V. 2. Lipsiae, 1960. P. 3.

⁶⁹ SHA. Maxim. 4. 4–5: (Maximinus) a militia desit et in Thracia in uico, ubi genitus fuerat, possessiones comparauit ac semper cum Gothis commercia exercuit, amatus est autem unice a Getis quasi eorum ciuis. Halani quicumque ad ripam uenurunt, amicum eum donis uicissim recurrentibus adprobabant ((Максимиан) ушел с военной службы и во Фракии, в деревне, где был рожден, приобрел собственность и постоянно с готами поддерживал отношения. Он же был чрезвычайно любим гетами, как будто бы (он был) из их общины. Аланы, которые бы ни приходили к берегу (?Дуная), признавали его другом предлагаемыми со своей стороны дарами; перевод мой. – В.Л.).

сма­три­ва­ют­ся мно­ги­ми ис­сле­до­ва­те­ля­ми в ка­че­стве до­сто­вер­ных сви­де­тельств о ран­нем по­яв­ле­нии го­тских пле­мен в Ниж­нем По­ду­навье. Но мож­но ли го­во­рить о при­сут­ствии го­тских пле­мен в Ниж­нем По­ду­навье уже в кон­це II – на­чале III в. н.э.?

Как по­ка­зы­ва­ют ар­хе­оло­гиче­ские ис­сле­до­ва­ния, воз­мож­ность кон­так­тов рим­лян с го­та­ми во вто­ром де­ся­ти­ле­тии III в. н.э. ис­к­лю­чать не­льзя. Если го­тское про­ис­хо­жде­ние Мак­си­ми­на (190-е го­ды н.э.) мо­гло бы­ть позд­ней­шим до­мыс­лом, то кон­так­ты им­пе­ра­то­ра с го­та­ми в 217–219 гг. н.э. в Ниж­нем По­ду­навье бы­ли вполне воз­мож­ны. Био­граф Мак­си­ми­на упо­ми­на­ет, что, живя во Фра­кии, Мак­си­мин под­дер­жи­вал дру­же­ствен­ные от­но­ше­ния с го­та­ми, ге­та­ми и ала­на­ми. При­сут­ствие а­лан прос­ле­жи­ва­ет­ся в Ниж­нем По­ду­навье уже с се­ре­ди­ны I в. н.э. Мож­но пред­по­ло­жить, что эт­ни­кон *геты* в дан­ном слу­чае не не­сет в се­бе ни­ка­ко­го эт­ни­че­ско­го смыс­ла, так как еще во вре­мена О­ви­дия он мог обо­зна­чать лю­бо­го вар­ва­ра, жив­ше­го в Ниж­нем По­ду­навье⁷⁰. Та­ким об­ра­зом, ин­те­ре­су­ю­щий нас пас­саж в био­гра­фии Мак­си­ми­на до­ста­точ­но а­де­к­ват­но пе­ре­да­ет ре­аль­ную эт­ни­че­скую си­ту­а­цию в Ниж­нем По­ду­навье в на­чале III в. н.э.

Мож­но пред­по­ло­жить ка­кие-то воен­ные сто­лк­но­ве­ния с го­та­ми Ан­то­ни­на Кара­кал­лы. Так как в ти­ту­ла­ту­ре им­пе­ра­то­ра име­ется ти­тул *Dacicus Maximus*, сле­до­ва­тель­но, он вел воен­ные дей­ствия и в Ниж­нем По­ду­навье⁷¹. Од­на­ко сто­лк­но­ве­ния с го­та­ми бы­ли не­зна­чи­тель­ны­ми и име­ли скор­ее все­го ха­рак­тер ло­каль­ных по­гра­нич­ных кон­ф­лик­тов ('случай­ных стычек', *tumultuarii proeli*), по­сколь­ку им­пе­ра­тор не счел нуж­ным вклю­чить в свою ти­ту­ла­ту­ру ти­тул *Gothicus*.

О вза­им­о­от­но­ше­ниях го­тов с Римом уже по­сле пе­ре­се­ле­ния вар­ва­ров в Ниж­нее По­ду­навье в 230–250-х го­дах нам из­вест­но го­раз­до боль­ше. Со­г­лас­но Пе­тру Па­три­кию, в пе­ри­од прав­ле­ния Алек­сан­дра Се­вера (о­коло 230 г. н.э.) кар­пы обо­ра­ти­лись к на­мест­ни­ку Ме­зии Ту­лию Ме­но­фи­лу, тре­буя де­неж­ных вы­плат. Об­ра­ще­ние кар­пов бы­ло вы­звано тем, что рим­ляне вы­пла­чи­ва­ли дань го­там и по­доб­но­го же за­хо­те­ли кар­пы⁷². В кон­це 220-х – на­чале 230-х го­дов н.э. в Ме­зии ве­лись фор­ти­фика­ци­он­ные ра­боты, стро­и­лись до­ро­ги. На монетах Мар­ци­ано­по­ля по­явилось из­об­ра­же­ние стен и ба­шен, что сви­де­тель­ствует о стро­и­тель­стве ук­ре­п­ле­ний про­тив вар­ва­ров⁷³.

Если к 230 г. н.э. го­ты име­ли до­ста­точ­но тес­ные кон­так­ты с рим­ля­на­ми, мож­но пред­по­ло­жить и более ран­ние их свя­зи в кон­це 210-х го­дов н.э. Не­об­хо­ди­мо пом­нить, что ар­хе­оло­гиче­ские да­ти­ро­вки, при­ве­ден­ные вы­ше, для это­го пе­ри­ода мо­гут ко­ле­бать­ся при­мер­но на де­ся­ти­ле­тие. На наш вз­гляд, кон­так­ты рим­лян с го­та­ми в пе­ри­од Кара­кал­лы и Мак­ри­на мо­гут бы­ть при­зна­ны вполне со­от­вет­ст­вую­щи­ми ре­аль­ной эт­но­по­ли­ти­че­ской си­ту­а­ции в Ниж­нем По­ду­навье.

Ко вре­мени прав­ле­ния Мак­си­ма и Баль­би­на (238 г. н.э.) от­но­сятся на­чало «скиф­ской вой­ны» и раз­ро­е­ние Ис­трии⁷⁴. Оче­вид­но, по­сле на­па­де­ния на Ис­трию ме­жду го­та­ми и рим­ля­на­ми на ка­кое-то вре­мя ус­та­но­ви­лось пере­ми­рие. В кон­суль­ство Пре­тек­ста­та и Ат­ти­ка (242 г. н.э.) Гор­ди­ан III на­чал вой­ну с пер­са­ми. По пу­ти на восток им­пе­ра­тор «на­прав­ился в Ме­зию, и в са­мом по­ходе вся­ко­го вра­га, кто был во Фра­кии, истре­бил, обо­ра­тил в бе­гство, из­гнал и от­тес­нил» (пе­ре­вод мой. – В.Л.)⁷⁵. Вер­оят­но,

⁷⁰ Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М., 1985. С. 209. Прим. 542.

⁷¹ Alföldi A. Studien zur Geschichte der Weltkrise des dritten Jahrhunderts nach Christus. Darmstadt, 1967. S. 313.

⁷² Petr. Patr. fr. 7/F. Jackoby: ὅτι Κάρποι τὸ ἔθνος φθονοῦντες τοῖς καθ' ἑκάστον ἐνιαυτὸν τελοῦμένοις τοῖς Γότθοις, ἔπεμψαν πρὸς Τρούλλιον Μηρόφιλον («Петр Патрикий сообщает. – В.Л.), что племя карпов, завидуя готам, получающим каждый год (дань от римлян. – В.Л.), отправили послов к Тулию Менофилу (наместнику Мезии. – В.Л.); перевод мой. – В.Л.).

⁷³ Alföldi. The Invasions... P. 141 f.

⁷⁴ SHA. Max. et Balb. 16,3: sub his [Maximo et Balbino] pugnatum est a Carpis contra Moesos, fuit et Scythici belli principium, fuit et Histriae excidium eo tempore, ut autem Dexippus dicit, Histricae ciuitatis («При них [Максима и Бальбине] карпы сражались против мезийцев, было начало скифской войны, произошло в это время и разорение Истрии, а как говорит Дексипп, истрийского гражданства»; перевод мой. – В.Л.).

⁷⁵ SHA. Gord. 26. 4: fecit inter in Moesiam atque in ipso procinctu, quidquid hostium in Thraciis fuit, deleuit, fugnauit, expulit atque summouit.

среди упомянутых в биографии «врагов» были и готы. Последние присоединились к римскому войску, по-видимому, в качестве наемников. На возможность Рима содержать наемников имеется указание в биографии Гордиана III: на войну с персами император (...) отправился с огромным войском и таким количеством золота, что мог бы легко победить персов с помощью либо наемного, либо регулярного (войска)» (перевод мой. – В.Л.)⁷⁶. О готах в составе римского войска известно из надписи Шапура I из Кааба-Зороастер (*Res gestae divi Sapor*)⁷⁷. Во время персидского похода как военными, так и государственными делами управлял Мизитей, тесть молодого императора и одновременно префект претория (SHA. Gord. 27; 28; Zos. 1, 17). Вероятно, установление взаимовыгодных отношений готов с римлянами во время персидского похода было заслугой Мизитея. По крайней мере при перечислении достижений римлян в биографии Гордиана говорится, что «все это было достигнуто через Мизитея, тестя Гордиана и его же префекта» (перевод мой. – В.Л.)⁷⁸.

Однако в 243 г. н.э. Мизитей был умерщвлен, а его должность и фактическое место в управлении государственными делами занял Филипп Араб. Последний вскоре полностью отстранил от дел молодого императора, а затем убил его. Новым префектом претория были сведены на нет все успехи римлян в персидском походе. В то же время обострилась обстановка на варварской периферии империи.

Когда в Азии шла постепенная узурпация римского престола Филиппом Арабом, «Аргунт, царь скифов, разорял царства соседей, главным образом, поскольку он узнал, что Мизитей, разумом которого управлялось государство, умер» (перевод мой. – В.Л.)⁷⁹. Возможно, Аргунт стоял во главе готов, участвовавших в персидском походе⁸⁰. Т. Моммзен считал возможным отождествить Аргунта с упомянутым Иорданом Аргайтом (*Argaithus*), которого автор «Гетики» назвал знатнейшим из племени готов⁸¹.

Вероятно, с событиями в северопонтийском варварском хинтерланде связаны археологически фиксируемые изменения в жизни античных городов Северного Причерноморья. В Ольвии имеется слой пожара, датируемый 230-ми годами н.э.⁸² Ко второй половине 230-х годов н.э. относятся разрушения в Тире⁸³. Во время правления боспорского царя Иниифимея (234–238 гг. н.э.) в Танаисе ведутся фортификационные работы: строятся новые укрепления, приводятся в порядок старые. Две надписи, свидетельствующие об этом, датированы 236 г. н.э. (КБН. 1249, 1250); две другие – временем правления Иниифимея (КБН. 1251, 1252). На оборонный характер этих мероприятий указывал еще В.Ф. Гайдукевич, связывавший их с подготовкой к отражению варварского нападения⁸⁴. В период с 238 по 242 г. н.э. на Боспоре не засвидетельствована чеканка монет, что, по мнению Н.А. Фроловой, было вызвано дестабилизацией, явившейся, вероятно, следствием варварских вторжений⁸⁵.

⁷⁶ SHA. Gord. 26. 3: *profectus est contra Persas cum exercitu ingenti et tanto auro, ut uel auxiliis uel militibus facile Persas euinceret.*

⁷⁷ ὅπως ἐπὶ τὴν βασιλείαν τῶν ἔθνων ἔστημεν Γορδιανὸς καίσαρ ἀπὸ πάσης τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς Γορθῶν ἔθνων [δυναμὴν συνέλεξε] ἐν καὶ εἰς [τῆ]ν Ἀσσυρίαν ἐ[πὶ τὸ] τῶν Ἀρριανῶν ἔθνος καὶ ἡμᾶς ἐπηλθεῖν («После того как Мы вступили на царство народов, цезарь Гордиан (собрал) со всей державы римлян (войско) из гуттов и из германских племен, и отправился в Ассирию против народа ариан и нас»; перевод мой. – В.Л.); *Maricq A. Classica et orientalia // Syria. 1961. 35. 3/4. P. 307; Bailey H.W. A Parthian Reference to the Goths // English and Germany Studies. 1961. 7. P. 82 f.*

⁷⁸ SHA. Gord. 27.2: *sed haec omnia per Misiatheum, socerum Gordiani eundemque praefectum, gesta sunt.*

⁷⁹ SHA. Gord. 31.1: *Argunt Scytharum rex finitimorum regna uastabat, maxime quod conpererat Misiatheum perisse, cuius consilio res p. fuerat gubernata.*

⁸⁰ *Alföldi A. The Invasions... P. 142.*

⁸¹ *Iord. Get. 91; Mommsen. Op. cit. P. 146.*

⁸² *Крапивина В.В. О двух «готских» разрушениях Ольвии // Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. Одесса, 1991. С. 47–49.*

⁸³ *Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 131–133.*

⁸⁴ *Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М. – Л., 1949. С. 443.*

⁸⁵ *Фролова Н.А. Вторжение варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 4. С. 200.*

О столкновениях готов с римлянами в период правления Филиппа Араба (244–249 гг. н.э.) сообщает Иордан. По свидетельству автора «Гетики», готы, после того как у них был отнят стипендий, «из друзей сделались недругами» (перевод мой. – В.Л.)⁸⁶. Согласно Иордану (Кассиодору), эти события стали причиной войны между готами и римлянами, которая окончилась гибелью императора Деция. Во главе готов, как сообщается в «Гетике», стоял Острогота. Присутствие последнего – легендарного персонажа, эпонима племени остроготов – может быть объяснено упомянутым ранее приемом Кассиодора, которым он пользовался при составлении готской истории. События, которые приписываются «времени правления Остроготы», все же имели место в истории готов. Итак, по Иордану (Кассиодору), после того как у готов был отнят стипендий, «Острогота... перейдя со своими (людьми) Данубий, опустошил Мезию и Фракию» (перевод мой. – В.Л.)⁸⁷. К начавшим войну готам был послан сенатор Деций, который, не будучи в состоянии остановить варваров, отпустил воинов со служб, свалив на них всю вину за то, что готы перешли Дунай, следствием чего стал переход римских солдат на сторону Остроготы. Последний вскоре собрал огромное войско: к готам присоединились тайфалы, астринги, три тысячи карпов и певкины. Во главе намечавшегося похода на римлян Острогота поставил Аргаита и Гунтериха⁸⁸. Затем в источнике следует изложение событий войны 248/9–251 гг. н.э.

Несколько иначе описывают правление Филиппа Араба Зосим и Иоанн Зонара. Вступив на престол, Филипп заключил мир с персами и отправился в поход против карпов, опустошавших побережье Истра. После нескольких удачных для римлян сражений карпы запросили мира, на что Филипп легко согласился (Zos. I. 20). В последний год правления Филиппа в результате восстания римских войск в Мезии и Паннонии центурион (ταξίαρχος) Марин был объявлен императором. На подавление мятежа был послан сенатор Деций, который после его подавления был сам провозглашен императором (Zos. I. 20, 21; Ioan. Zonar. 12. 19). В начале правления Деция (249 г. н.э.), «когда дела, вследствие крайней беспечности Филиппа, пришли в полное расстройство» (Zos. I. 23; перевод В.В. Латышева), началась война с готами.

Подведем некоторые итоги. На основе письменных свидетельств можно проследить изменения этнической ситуации на нижнедунайских границах Римской империи в первой половине III в. н.э. Уже к началу 230-х годов н.э. здесь сосредоточивается достаточно значительное количество готских племен. В пользу этого предположения свидетельствует хотя бы тот факт, что римляне производили готам денежные выплаты. Если принять достоверность свидетельства «Истории Августов» о торговле жившего во Фракии Максимиана с готами в 216–218 гг. н.э., то тогда напрашивается вывод о присутствии на фракийских границах империи готского населения уже во втором десятилетии III в. н.э. Следует также помнить, что в 238 г. н.э. начинается «скифская война», известная нам по «Истории Августов», где название «скифы» во всех случаях является синонимом этнониму «готы»⁸⁹.

С постепенным, а не единовременным продвижением к римским границам новых варварских племен связаны фиксируемые в источниках расхождения о времени появления готов на рубежах империи. Их расселение на новой территории должно было привести как к контактам с местным населением, так и с находившейся рядом Римской империей. Взаимодействие с римлянами носило характер не только военных столкновений, но и мирных, союзнических отношений. Вероятно, на союз с римлянами готы шли достаточно охотно, чему могли способствовать следующие факторы. В Нижнем Подунавье по-прежнему продолжало жить коренное население, с которым

⁸⁶ Iord. Get. 89: de amicis effecti sunt inimici.

⁸⁷ Ibid. 90: transiens tunc Ostrogotha cum suis Danubio Moesiam Thraciasque uastauit.

⁸⁸ Ibid. 91: (...) mox triacenta milia suorum armata produxit ad bellum adhibitis sibi Taifalis et Astringis nonnullis, sed et Carporum tria milia, genus hominum ad bella nimis expeditum, qui saepe fuere Romanis infesti (...). his ergo addens Gothos et Peucinos ab insula Peucis (...) Argaihum et Gunthericum nobilissimos suae gentis doctores praefecit.

⁸⁹ Исключением может служить лишь SHA. Hadr. 16.3, где упоминаются в стихотворении «скифские снега» (Scythicae pruinae).

готам, особенно на первых порах, необходимо было считаться. Очевидно, что в столь плотно населенном районе мест, удобных для поселения (занятий земледелием, скотоводством), было, по-видимому, недостаточно.

Готские набеги на римские земли не всегда оканчивались успехом, поэтому участие варваров в римской армии было для них немаловажным источником существования. В то же время служба в римской армии должна была способствовать усилению военной мощи тех готских отрядов (здесь, вероятно, можно говорить о дружинах, возглавляемых вождями), которые участвовали в римских кампаниях. Благодаря этому готы смогли получить представление и о внутриполитической ситуации в империи. Царь Аргунт начал разорять «царства соседей» именно потому, что узнал о смерти Мизитея; имея сведения о том, что в период правления Филиппа дела в империи «пришли в расстройство», готы отважились на военное вторжение в римские земли. За два-три десятилетия пребывания в Нижнем Подунавье (210-е – 240-е годы н.э.) они создали коалицию племен, куда, по свидетельству Иордана, входили тайфалы, астринги, карпы и певкины (последние обитали в Нижнем Подунавье задолго до появления готов). Возможно, наряду с варварами в готское войско вошла и какая-то часть римских легионеров, участвовавших в восстании Марина, что также способствовало укреплению военной коалиции, возглавляемой готами. Таким образом, 210-е – 240-е годы н.э. стали временем создания в Нижнем Подунавье достаточно мощного военного союза, в котором готы занимали доминирующее положение. В последующие годы племена этого союза перешли в тотальное наступление на римские земли.

В.В. Лавров

THE MIGRATION OF THE GOTHS TO THE BLACK SEA REGION

V.V. Lavrov

The author of the article is comparing the facts on Goth migration to the Black Sea known from written sources with today's archaeological materials. It is known from the literary tradition of Goth migration to Scythia (Jordan's «Getica»), that the original place of Goth domicile in Scythia was the Maeotic region. According to the author's opinion, Jordan's evidence has nothing to do with the real Gothic history. The localisation of the Goths near Maeotis is due to the falsification of Gothic history by Cassiodorus; the latter adds to the history of the Goths certain subjects from other nations' histories in this particular case – from the Scythian history. The Scythes' dwelling near Maeotis is the topos of the classical literary tradition.

The earliest sources on Gothic history (Plinius Major, Tacitus, Claudius Ptolemaius) put this tribe in the eastern part of ancient Germany. Archaeologists relate to Goths the sites of Wielbark culture. In the 3rd quarter of the 2nd century A.D. these sites began to emerge in Masovia and Volyn. This resulted in the formation of the vast Chernjakhov culture in the Black Sea region.

Ancient sources enable us to assert the presence of some groups of Goths near the Roman frontier at the beginning of the 3rd century A.D. The Gothic migration to the Black Sea region was gradual and the majority of the Goths arrived at the Roman frontier in the middle of the 3rd century A.D. when the Gothic wars of 250–270 A.D. began.